Разсказы о двѣнадцатомъ годѣ.

I.

Была первая половина августа. Въ селѣ „Крутая Гора“ (нынѣ „Крутое“), Юхновскаго уѣзда, всѣ торопились съ уборкой хлѣба. Шла молва, что французы приближаются къ Вязьмѣ и разоряютъ сосѣднія мѣстности. Но вотъ однажды отчетливо послы-

шались пушечные выстрѣлы и весь народъ, начиная съ священника о. Григорія Лелюхина, бросился нагружать свои пожитки на телѣги и бѣжать спасаться по лѣсамъ и оврагамъ. Каменную церковь свою, устроенную въ 1797 году, о. Григорій предварительно затворилъ прочными запорами. Укрывъ семейство въ непроходимой чащѣ лѣса, о. Григорій вернулся одинъ въ село и издали посматривалъ на свою дорогую церковь. И вотъ онъ видитъ отрядъ французскихъ мародеровъ, человѣкъ въ 50, и на глазахъ батюшки начали разбивать церковныя двери. Долго не поддавались новыя, обитыя желѣзомъ, двери. Тогда французы привѣсили на блокъ огромный камень и, раскачивая его, сдѣлали большую пробоину. Ворвавшись въ церковь, они ограбили все цѣнное, осквернили алтарь, попортили иконостасъ и, нагрузивъ награбленное на повозки ушли по большой дорогѣ къ Вязьмѣ.

Все это видѣлъ о. Григорій и сердце его загорѣлось ревностью къ дому Божію. Онъ бросился по своимъ деревнямъ и лѣсамъ и убѣдилъ нѣкоторыхъ прихожанъ устроить погоню за французами. Вооружившись топорами, вилами, кольями и вообще чѣмъ попало, наши партизаны, во главѣ съ о. Григоріемъ, скоро настигли французовъ, которые пировали на опушкѣ лѣса. Неожиданность нападенія такъ ошеломила французовъ, что часть ихъ обратилась въ бѣгство, а остальные легко перебиты. Все церковное имущество и еще много награбленнаго въ другихъ мѣстахъ было отобрано нашими партизанами и зарыто въ тайномъ мѣстѣ. Удача такъ воодушевила нашихъ, что партизанскій отрядъ скоро увеличился до двухъ сотъ и во главѣ его, душою его, сталъ батюшка о. Григорій Лелюхинъ. На колокольнѣ храма посадили сторожевого и тотъ зорко слѣдилъ за окрестностями: стоило показаться мародерскому отряду французовъ, какъ раздавался набатъ съ колокольни и партизаны быстро собирались и мчались навстрѣчу французамъ. Благодаря нѣсколькимъ побѣдамъ, всѣ вооружились ружьями, револьверами, саблями. У многихъ были военныя лошади. Особенно великолѣпный скакунъ былъ у батюшки о. Григорія. Однажды показалась пыль по дорогѣ отъ Вязьмы и раздался набатъ съ колокольни. Быстро собрались партизаны и помчались на битву съ врагомъ, но встрѣчены были залпомъ изъ пушекъ. Ядра и картечь произвели страшное опустошеніе въ рядахъ рус-

скихъ партизановъ. Оказалось, что они вступили въ бой не съ шайкой мародеровъ, а съ большимъ отрядомъ Маршала Мюрата. Кто могъ, спасался бѣгствомъ. Отецъ Григорій на своемъ превосходномъ скакунѣ помчался обратно въ Крутое, при чемъ, переѣзжая рѣчку, свалился нарочно въ воду и, погрузившись по шею, потихоньку пробрался подъ нависшими кустами вверхъ по теченію. Прискакавшіе къ рѣчкѣ непріятели долго искали о. Григорія, но найти не могли. Тогда Мюратъ остановился недалеко отъ села Крутого въ господскомъ домѣ подъ названіемъ „Черное." Онъ приказалъ, во что-бы то ни стало поймать о. Григорія и обѣщалъ содрать съ него съ живого кожу. Солдаты Мюрата четыре дня искали о. Григорія и по ночамъ приходили въ Крутое въ его домъ, но захватить его имъ не удалось. По уходѣ Мюрата о. Григорій опять собралъ отрядъ партизановъ и съ нимъ много еще побилъ французовъ. Однимъ изъ главныхъ его помощниковъ былъ крестьянинъ деревни Пыжевки Ефремъ. Оба они за свой подвигъ похоронены въ церковной оградѣ.

II.

Въ село Куршево, Гжатскаго уѣзда, прискакали наши вѣстовые съ увѣдомленіемъ, что французы близко, что надо прятаться по лѣсамъ и прятать имущество. Быстро начали собираться жители. Настоятель храма, о. Исидоръ Павловичъ Лебедевъ, запряталъ цѣнное имущество церковное въ куполъ надъ колоколами. Туда-же помѣстился и сторожъ церковный. А свое имущество батюшка нагрузилъ на телѣги и поспѣшилъ скрыться съ семьей и работниками въ дремучихъ „савинскихъ" лѣсахъ. Тесть о. Исидора, старичекъ о. Андрей „Ярославичъ" (уроженецъ города Ярославля), забылъ дома на столѣ мѣшокъ съ мѣдяками и вернулся за нимъ. Не успѣлъ онъ потомъ выбраться изъ села, какъ прискакали французы. Замѣтивъ бѣгущаго съ мѣшкомъ старика, они помчались за нимъ. И только высокая изгородь, да еще не убранная рожь спасли отца Андрея отъ плѣна, а можетъ быть и отъ смерти. Дня три пробыли французы въ Куршевѣ. Въ домѣ о. Исидора перевернули все вверхъ дномъ, подняли всѣ полы: вѣроятно искали денегъ или съѣстныхъ припасовъ. Ночевали они въ церкви. Между прочимъ сторожъ церковный вылѣзъ изъ купола и за-

зѣвался на французовъ. Его замѣтили и стащили съ колокольни. Два верховыхъ подняли его между собою, вложивъ его ноги въ стремена своихъ сѣделъ, и помчались по большой дорогѣ къ Гжатску. При этомъ еще били его нагайками и едва не разорвали пополамъ. Бросили его еле-живого, когда онъ отъ ужаса и боли совершенно потерялъ сознаніе. Послѣ старикъ оправился. Французы больше не показывались въ Куршевѣ. Но за то часто появлялись наши небольшіе отряды. Двумъ офицерамъ понравилась четырнадцатилѣтняя красавица жена отца Исидора Аксинья Ильинишна, и они начали ее уговаривать бросить мужа и ѣхать съ ними. Эта рѣчь такъ перепугала молодую матушку, что она потихоньку спряталась въ банѣ подъ „полокъ“ и тамъ пролежала цѣлыя сутки. Съ большимъ усиліемъ, послѣ отъѣзда безцеремонныхъ гостей, удалось наконецъ отцу Исидору розыскать свою любящую супругу.

III.

Въ селѣ Дятловѣ, Гжатск. у., въ домѣ священника о. Ивана Аѳанасьевича Орлова цѣлую ночь пировали французы. Послѣ ихъ ухода, возвратившійся батюшка нашелъ подъ столомъ золотые часы, серебряный стаканчикъ, саблю и шкатулочку. Вещи эти долго хранились въ потомствѣ отца Ивана. И совсѣмъ еще недавно одинъ неразумный внукъ его промѣнялъ смоленскому еврею Берху золотые часы на серебряные. Теперь и радъ бы онъ ихъ вернуть, да и слѣдъ ихъ простылъ.

Записалъ со словъ стариковъ и по лѣтописямъ.

Священникъ *Николай Соколовъ.*